

18+

Жанна Локтева

В гневе грома

Продолжение книг «Пока
не грянул гром»
и «Первые раскаты
грома»

Жанна Локтева

В гневе грома. Продолжение книг "Пока не грянул гром" и "Первые раскаты грома"

<https://litres.ru/74374634>

ISBN 9785007102155

Аннотация

1917 год. Революция. Что случилось с главными героями первых двух книг? Какие испытания на пути встретятся? Что им придётся пережить?

Все ключевые персонажи, кроме нескольких исторических деятелей, являются плодом воображения писателя. Их личные истории, мотивы и чувства — вымысел.

Содержание

7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	78

В гневе грома

Продолжение книг

"Пока не грянул гром" и

"Первые раскаты грома"

Жанна Локтева

© Жанна Локтева, 2026

ISBN 978-5-0071-0215-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Всё мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют

и рвутся волны к высоте навстречу грому..»»

Максим Горький

««Зима в тот год была Страстной неделей,
И красный май сплелся с кровавой Пасхой,
Но в ту весну Христос не воскресал.»

Максимилиан Волошин.

1.

23 августа 1915 года с должности Верховного Главноко-

мандующего был смещён великий князь Николай Николаевич.

«Сего числа я принял на себя предводительство всеми сухопутными и морскими силами, находящимися на театре военных действий. С твердой Верой в помощь Божью и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской».

Государь император Николай II, возложив на себя новые полномочия, уехал в Ставку. Последними его словами перед отъездом стали:

— Пусть я погибну, но спасу Россию!

После отъезда Государя делами внутренней политики стала заниматься императрица. Министры ездили с докладами к ней. Отношения между Думой и правительством все больше обострились. 27-го августа на заседании Совета министров Горемыкин поднял вопрос о роспуске Думы. Как оказалось позже, он не договорившись ни с кем, ездил в Ставку и получил у Государя указ о роспуске. В Совете министров поднялся шум и министры приняли решение коллективно подать в отставку. Некоторые из них тоже отправились в Ставку, чтобы лично передать Государю прошение об отставке. Но Николай Александрович не принял прошения и отругал министров, что они в такое сложное для страны время вместо того, чтобы работать все вместе на благо Родины заняты межличностными распрями.

Указ о роспуске Думы был передан Родзянко, который собрал экстренное заседание всех лидеров партий. Это было закрытое заседание, но к вечеру все уже знали, что на фоне всеобщего возмущения некоторые лидеры выступили с практически революционными речами. Родзянко едва удалось охладить наиболее горячие головы.

Позже Родзянко обратился к Государю с письмом, где требовал отставки Горемыкина. Но Горемыкин остался на своем месте, а ушли в отставку министр Внутренних Дел Николай Борисович Щербатов, обер-прокурор Синода

Александр Дмитриевич Самарин и министр сельского хозяйства Александр Васильевич Кривошеин, который был одним из тех, кто участвовал в реализации аграрной реформы Столыпина.

Николай Чернышёв, будучи на фронте, получил известие об отставке Джунковского и позже Самарина и был крайне расстроен этими известиями.

— Что происходит? — вопрошал он, не обращаясь ни к кому конкретно, — Отчего в такое тяжёлое время, когда Россия как никогда нуждается в честных и преданных людях, лучших из них отправляют в отставку?

Сергей Мезенцев, мрачный и молчаливый, только пожимал плечами. Он тоже не понимал, что происходит. Те новости, которые доходили на фронт из столицы, тревожили больше, чем само положение на фронте. Уходили те, кто так или иначе вы-

ступали против Распутина. Сначала Джунковский, после Самарин. Неужели и впрямь, как говорили в народе, страной правит неграмотный мужик?

Николай написал длинное письмо Александру Дмитриевичу, в котором выражал свое сожаление по поводу произошедшего. Он узнал, что Самарин уже вернулся в Москву, где ему устроили торжественную встречу. Он был очень популярен и в Петербурге и в Москве тем, что всегда говорил правду, в том числе и императору.

Известно, что он обращался к Государю со словами: «Государь, вот уже несколько лет как Россия находится под гнетом сознания, что вблизи вас, вблизи вашего семейства находится человек недостойный. Жизнь его хорошо известна в России, а между тем этот человек влияет на церковные и государственные дела. Государь, это не пересуды. Это твердое убеждение людей верующих, людей вам преданных.»

После его отставки Московская Духовная академия выбрала Александра Дмитриевича своим почетным членом «в уважении к его кратковременному, но самоотверженному и полному святой ревности славе Русской Православной церкви служению в должности обер-прокурора Священного Синода».

2.

Стаси получила письмо от Николая, в котором он выражал свое сожаление по поводу отставки Джунковского и Са-

марина и интересовался, какие разговоры ведутся в Петрограде и каковы настроения. Стаси не знала, что ей

ответить. Она сидела за столом, теребя в руке перо, и каждое слово давалось ей так тяжело, будто она писала не Николаю, а незнакомому человеку. В сердцах она скомкала лист бумаги бросила в корзину. Надя, что сидела на диване с книгой в руке, подняла голову.

— Я не знаю, что писать, — пожаловалась Стаси сестре, — В первый раз не знаю, что ответить моему жениху. Он спрашивает о настроениях в городе, о новых назначениях, а я ничего не знаю. Похоже, Николая думает, что мы сейчас ходим по гостям, бываем в обществе, а ведь мы практически месяц не выходим из дома после того как Николенька заболел. Благодарение Богу, он пошел на поправку. Но это не меняет того, что мы даже в госпиталь не можем пойти, пока доктор не разрешит.

— Карантин есть карантин, — вздохнула

Надя, — Так и напиши Николаю. Не наша вина, что мы сидим дома и выходим только на территорию парка.

Надя ненадолго задумалась, после поднялась, подошла к Стаси, присела перед ней на корточки, заглянула в глаза:

— Ты правда хочешь знать последние новости?

Стаси увидела блеск в глазах сестры и спросила настороженно:

— Ты что-то придумала?

Надя улыбнулась:

— Ты же не против, если к нам зайдут люди, которые расскажут нам всё, что происходит в Думе и правительстве из первых уст?

— И кто же пойдет в дом, закрытый на карантин? — спросила Стаси, начиная догадываться, о чём говорит сестра.

— О, они точно не испугаются карантина, я тебя уверяю. И вообще, мне кажется, что этот самый карантин придумали специально для того чтобы никуда нас не пускать. Мама никогда не нравилась наша работа в госпитале. Она то выезжает, будто эта самая корь может её пощадить. А Николенька уже давно не болеет. Он сходит с ума, сидя взаперти. Вот и сегодня мама, тетя Ксения, тетя Ольга поехали к императрице Марии Фёдоровне, а мы сидим дома, что очень удобно для них. Папа в последнем письме написал «Береги детей» и вот так нас берегут.

— Хорошо, — ответила Стаси, — Что же ты предлагаешь?

Щёки Нади порозовели:

— Ты же не против гостей? Мы просто встретимся с ним в саду и поговорим. Узнаем последние новости и ты сможешь наконец закончить свое письмо.

— Ты говоришь о господах Галицине и Нахимове?

Стаси задумалась. Ей нравилось разговаривать с красивым князем Голицыным- он был вежлив, тактичен и умён, но ей не хотелось, чтобы пошли слухи о её неподобающем поведении в то время, когда её жених на фронте.

— Мы просто посидим в саду. Позовём Эмму, Варю, пусть сидят неподалеку и присматривают за нами.

— Но мама узнает, — неуверенно пробормотала Стаси.

— Пожалуйста! — вдруг воскликнула Надя, хватая сестру за руки, — Твоей репутации ничто не угрожает. У тебя есть жених, а я сижу взаперти и не могу встретиться с тем, кто мне нравится.

И она разразилась бурными рыданиями.

— О, Боже милостивый! — воскликнула поражённая Стаси.

Она не знала, что сказать сестре. С одной стороны она очень хорошо понимала её, а с другой не могла потворствовать тайнам встречам Нади и Петра.

— Тебе лучше честно признаться мама, — наконец ответила она, обнимая Надю, — Она все поймет. Пусть граф Нахимов представится ей и тогда сможет приходить к нам, никого не обманывая. Надя всхлипнула:

— Да, но сейчас с этим карантином к нам не пускают никого. Мама и слушать не захочет ни о каких визитах.

— Ладно, — ответила Стаси, — Сегодня я поддержу тебя. Меня тоже, признаюсь, страшно тяготит одиночество. Представляю, как чувствует себя Николенька, проводя весь день один. Надя, не дослушав сестру, убежала в кабинет герцога Лецхтенбергского, чтобы

позвонить, а Стаси снова взялась за письмо. Она написала пару строчек и перо её зависло над бумагой. Странное чув-

ство охватило её.

Со дня их последней встречи прошло больше года и Стаси, к стыду своему, начала забывать черты лица Николая. Вот посмотрит на фотокарточку, что стоит в рамке на ночном столике и вспомнит. И ей порой бывало тяжело глядеть на неё, словно она в чём-то была виновата. Да в письмах Николая стало меньше слов любви и нежности. Письма стали короче и уже приходили не так часто.

— «Но я же по-прежнему люблю его?» — вопрошала себя Стаси, но сердце её молчало, — «Это всё война. Вот вернётся

Николай и будет всё как прежде.»

Но уже в душе Стаси понимала, что как прежде уже не будет никогда. Они все изменились и им придётся заново узнавать друг друга. Если посчитать общее количество их встреч за пять лет знакомства, не наберется и десяти. Знали ли они друг друга вообще?

Стаси сидела, задумавшись, когда в гостиную влетела Надя и, задыхаясь, воскликнула:

— Они будут через час.

— Они? — переспросила Стаси.

— Они с князем Голицыным. Согласись, было бы очень странно, если бы Петя... Пётр Евгеньевич приехал сюда один.

С этим Стаси не могла не согласиться. — Можно будет посидеть в саду, — воодушевлённо говорила Надя, — Я велю

Эмме подать кофе и тех самых пирожных, что сегодня утром приготовил Иван

Григорьевич.

— И которых ты съела не менее дюжины, — пряча улыбку, добавила Стаси.

Надя ничуть не смутилась:

— Я умею отдавать должное шедеврам кулинарии. И Иван Григорьевич всегда так радуется, когда его стряпня нам по вкусу.

— Это верно, — Стаси критически осмотрела себя в зеркало, — Нужно бы переодеться, а то это платье слишком домашнее.

— О, нет, — воскликнула Надя, — Оно тебе очень идет. Ты в нем такая.., — сестра возвела очи горе, подыскивая слова, —... близкая, простая. А то как нарядишься в свои выходные платья, так не дать не взять королева.

— Что? — рассмеялась Стаси, — Я впервые слышу от тебя подобное.

— А я впервые говорю подобное, — Надя тоже рассмеялась.

— Так ты думаешь, что это платье подходит для встречи гостей, — спросила Стаси, снова бросая на себя взгляд в зеркало.

— Конечно, этот жемчужно -серый цвет тебя к лицу, — с убеждением ответила Надя, — Твои глаза кажутся ещё более выразительными.

Пока Стаси рассматривала в зеркало свое отражение, Надя подбежала к окну и распахнула обе ставни.

— Сегодня такой чудесный день. Будет приятно посидеть на улице. Только я советую тебе накинуть шаль, не хочу чтобы ты простыла.

— Кто тут из нас старшая сестра? — со смехом возмутилась Стаси.

— Конечно, ты, — весело ответила Надя и добавила, — А вот мне бы не мешало

переодеться. Я, к сожалению, не обладаю твоей королевской красотой и хочу хоть немного скрасить свою оболочку.

— Что за ерунду ты говоришь? — Стаси повернулась к сестре, но та уже выскользнула за дверь.

Гости прибыли ровно через час. Эмма накрыла столик на террасе возле дома и они с Натальей Ивановной Беленькой, их старой няней, устроились в плетёных креслах неподалеку, так, чтобы не слышать разговора молодежи, но и чтобы не терять их из виду. Младшие дети Сергей и Михаил были на занятиях, а восьмилетняя Мария качалась на качелях, с любопытством глядя на гостей. Алексей Голицын и Пётр Нахимов были в парадных костюмах и Стаси на секунду пожалела, что последовала

совету Нади и не переоделась, но после оценила её проныцательность.

Она поймала на себе восхищенный взгляд красивого кня-

зя Голицына и ей, неожиданно для себя самой, это было приятно. Алексей так по- детски радостно улыбался ей и Стаси не могла сдержать ответную улыбку. После приветствия они сели к столу и пока Эмма разливала по чашкам кофе, Стаси начала разговор первой:

— Благодарю вас, господа, что вы приехали сегодня скрасить наше одиночество. Мы уже больше месяца не выходим из дома из-за болезни нашего брата и это большое испытание.

Когда Эмма отошла, Стаси добавила с легкой иронией:

— Как нам с Наденькой кажется, это такой ловкий ход со стороны нашей дорогой матушки, чтобы запереть нас дома.

— Я очень хорошо понимаю опасения княгини Марии Николаевны, — ответил Алексей, — Сейчас в городе неспокойно и она старается защитить вас.

— Признавайтесь, Алексей, вас подослала наша матушка? — спросила Стаси, смеясь.

Алексей действительно понимал и разделял позицию герцогини в отношении её детей. Он не мог представить, как прелестная Стаси Лейхтенбергская ходит по улицам среди агрессивно настроенных рабочих или пьяных студентов. Если бы он был на месте Николая Чернышёва, он ни секунды бы не сомневался, бросил бы всё, забрал Стаси и уехал бы с ней как можно дальше. Туда, где нет войны, где цветут самые прекрасные цветы на свете и через раскрытые окна слышен

шум моря.

— Расскажите же нам, что происходит в Сенате, в Думе, — воскликнула Надя, — Мы не знаем ничего о положении в стране. Только не говорите, что нам не обязательно знать это. Последние новости, что мы слышали это отставка генерала Джунковского.

— Что же теперь с нашим дорогим Владимиром Фёдоровичем? — спросила Стаси, глядя на Алексея.

— Он уехал в действующую армию, — ответил Алексей, — Исполнил, наконец, то, о чём так долго мечтал. Не стоит печалиться о нём, если он следует велению своего сердца. Сейчас он командующий 8-й Сибирской Стрелковой дивизии на Западном фронте. Для Владимира Фёдоровича отставка в такое время это скорее поощрение, чем наказание. Жаль, что мы теряем таких прекрасных администраторов, каким является наш генерал.

— Джунковский, Самарин, Щегловитов, — произнёс Пётр, — Кого мы ещё потеряем в то время, когда по идее должны сплотиться.

— Нам искренне жаль, что Александр Дмитриевич ушёл в отставку.

Алексей с нежной жадностью смотрелся в встревоженное лицо Стаси. Больше всего на свете ему хотелось обнять её, утешить. Вдруг ему вспомнился сон в поезде, где он видел Стаси у могильного холма, а великая княгиня говорила ему,

не размыкая губ, что он получит то, о чём мечтает. Алексей мысленно прочитал молитву, пожелав Николаю Чернышёву долгих лет жизни. Пусть с ним все будет хорошо и Стаси не прольет слёз, стоя на коленях у могилы.

Ему так много хотелось сказать ей, но он произнёс только.

— Да, жаль, что Александра Дмитриевича отправили в отставку. Он, как и Владимир Фёдорович, всегда говорил только то, что думал на самом деле. Он пытался бороться с влиянием Распутина на дела Синода, но ему ясно дали понять, что он должен молчать.

— После того, как Александр Дмитриевич возбудил дело о неповиновении епископа Варнавы и лишения его сана, уволили его самого, — ответил Пётр.

— Ох, — выдохнула Стаси, — Так жалко. Где же теперь Александр Дмитриевич?

— Насколько я знаю, он вернулся в Москву, где на дворянском собрании его чествовали, как героя.

— Не нужно было ему уезжать из Москвы, — добавила Надя с той же горечью, — Он же хотел остаться там, где был нужен, где ему не мешали выполнять свою работу.

— Князь Щербатов, что после отставки Самарина решил уйти по своему желанию, говорил что ему надоели подковёрные интриги, он ничего не мог сделать полезного для страны, когда у него связаны руки, — добавил Алексей, рассказав последние новости.

Молодые люди понимали, что не могут задерживаться

здесь надолго, но княгиня Мария Николаевна и Ксения Евгеньевна вернулись раньше обещанного. Они столь неожиданно появились на террасе, что Стаси и Надя не успели испугаться. Обе тут же заняли оборонительную позицию, собираясь в случае чего отстаивать свое право хоть изредка выходить из дома и принимать гостей. Но Мария Николаевна была настроена очень благодушно и радостно приветствовала молодых людей.

— Стаси, Надюша, — сказала она с улыбкой, — Что же вы не пригласите наших гостей к ужину? Несмотря на войну, закон гостеприимства ещё никто не отменял. Эмма, позови Николеньку, пусть спускается. Тоже поди устал взаперти сидеть. Господа, добро пожаловать в дом. Знаете, у нас был карантин. Николенька заболел корью. О, это ужасное заболевание, он весь горел и покрылся сыпью. Но сейчас все позади и мои девочки, благодарение господу, не заразились.

Болтая таким образом, она провела гостей в дом. Стаси и Надя переглянулись.

— Выпила, что -ли? — тихо спросила Надя.

Стаси прыснула и встретила смеющийся взгляд Ксении Евгеньевны.

Ужин был подан через час. Лейхтенберские с гостями сидели в небольшой гостиной, где Алексей и Пётр уже бывали раньше и Мария Николаевна с живостью рассказывала о визите к вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. Алек-

сей внимательно слушал княгиню, а нежная улыбка Стаси зарождала в его сердце надежду. Он понимал, что надежде этой не суждено было сбыться, но сейчас в этой теплой атмосфере дома Лейхтенбергских он не хотел думать об этом.

Потом Алексей рассказывал о событиях в Государственной Думе, о прогрессивном блоке. Стаси с интересом наблюдала за ним. Красивое лицо князя Голицына не

могло не привлечь внимание. Тёмные волосы падали на высокий белый лоб, зелёные глаза блестели и вообще весь его облик дышал здоровьем, силой и чувственностью.

Господи, о чем она думает! Рассматривает малознакомого ей мужчину и думает о его чувственности, в то время как её жених на фронте. О, Господи, Ники, прости!

Стаси пыталась вызвать в памяти облик Николая, но уж слишком размытым он получался. Надо будет рассмотреть его фотографию. Когда она в последний раз глядела на неё?

Стаси заметила, какими взглядами обмениваются Пётр и Надя и улыбнулась. Графу Нахимову следовало поговорить с Марией Николаевной. Пока герцог Лейхтенбергский на фронте, любые решения легли на хрупкие плечи его жены. Стаси не думала, что это будет тяжелое решение. Граф Нахимов хорошего рода, прекрасного воспитания, кроме того, он здесь рядом, а не на фронте. Стася вновь ощутила легкую горечь, но красивое оживленное лицо и горящие глаза князя Голицына заставили её снова улыбнуться.

— Заезжайте к нам, господа, прошу вас, — говорила Ма-

рия Николаевна, провожая гостей, — У нас сейчас не так часто бывают гости, только родственники. Пока наш дорогой Николай Николаевич на фронте, мы остались одни, без мужской поддержки в доме.

— Мама! — с упрёком сказал Николенька.

— О, мой дорогой! — воскликнула герцогиня, — Конечно, теперь ты наш защитник и наша опора.

Алексей улыбнулся. Его тонкая понимающая улыбка понравилась Стаси.

Да, он хороший, этот князь Голицын. Он мог бы стать хорошим другом Стаси и она ответной улыбкой дала ему знать это, не сомневаясь, что он поймёт её.

Алексей медлил, отчаянно желая остаться ещё хотя бы на пять минут. Он посмотрел на Петра, который тоже колебался и тут его желание помочь другу взяло верх над собственным и эгоистичным желанием побыть хоть немного рядом со Стаси.

У него не было шансов, а вот Петя вполне мог завоевать любовь Надежды Лехтенбергской. И словно в омут головой он выпалил:

— Мы хотели пригласить нас на венчание Поля Леграна и Елизаветы Нахимовой. Барон Легран наш близкий друг, можно сказать практически брат, а Елизавета сестра Петра.

Алексей с волнением ждал ответа, не зная, что добавить ещё.

— Да, конечно, — воскликнула Мария Николаевна. Было

видно, что ей приглашение пришлось по вкусу, — Барон Легран очень популярная фигура в Петрограде. Мы виделись один раз на Рождество у Маши Граббе и после она много говорила о нём. Когда состоится торжественный день?

— Через месяц 29-го октября, — ответил Пётр, — Мы пришлём официальное приглашение.

Стаси видела, как обрадовалась Надя, как заблестели её глаза и снова посмотрела на Алексея с благодарной улыбкой.

3.

— Что мы будем делать когда нас всех отсюда уйдут? — вопрошал Пётр Нахимов,

глядя в окно на Сенатскую площадь. Алексей поднял голову от копии закона о бюджете на 1916-й год посмотрел на друга, — Я не слишком понимаю все эти подковерные игры, что происходят сейчас. Для каких целей был организован этот самый прогрессивный блок?

— Насколько я понимаю, у него два основных положения: это закончить войну нашей победой и объединить власть и народ, — ответил Алексей.

— Верно, — Пётр повернулся к нему. Его лицо выражало крайнюю обеспокоенность, — И что мы видим на деле, Алёшка?

Алексей понимающе кивнул:

— Видим обычную борьбу за власть. Люди которые с таким пылом говорили о единении всего общества, теперь от-

кровенно бодаются с правительством и даже не пытаются найти какие-то точки соприкосновения. И уже начали говорить об ограничении деятельности Блока, либо о его полной ликвидации, потому как Блок ничем себя не проявил, кроме как пустыми разговорами.

— И эти самые разговоры вносят в сердца и мысли людей разброд. Где же это самое объединение, о котором все говорили?

— Не знаю, друг мой, есть вещи которые никак не доходят до моего понимания. Милюков, который в партии кадетов проводит одну линию решения политических вопросов, в Блоке говорит совершенно другое. И мне это непонятно. — Да, особенно если учесть тот момент, что в Блоке его поддерживает большинство, — пожал плечами Нахимов.

— Поддерживают что именно? Его метания? Я слышал выступление

Милюкова. Если убрать его эмоциональность, остается одна лишь вода, которую он льет то на одну мельницу, то на другую.

— Думаю, грядет череда отставок, — сказал Пётр задумчиво.

— Ты имеешь в виду Горемыкина?

— Думаю, он первый в этом списке. Уж слишком много жалоб поступает на его деятельность. Даже несмотря на то, что его поддерживает Распутин. Кажется, недолго ему оставаться председателем Совета министров.

— Помнишь эпиграмму:
«Друг обманчивой надежде
Понапрасну ты не верь.
Горе мыкали мы прежде
Горем мыкаем теперь.»
И молодые люди рассмеялись.

4.

Из Москвы приехали Нахимовы с Елизаветой и дом Голицыных наполнится гостями. Поль Легран поселился на квартире Петра, так как не мог жить в одном доме со своей невестой, пока она ещё не стала его женой. Свадьбу решили справить в доме Голицыных в узком кругу приглашённых друзей и родственников. На этом настоял Поль Легран, названный Павлом после перехода в православие, и его невеста. Поль приобрёл небольшой дом на Елагином острове, в котором ко дню свадьбы должен был закончен ремонт. Елизавета, побывав в особняке, осталась довольна. Алексей никогда не видел сестру Петра чем-то обеспокоенной или расстроенной. Чтобы не происходило, она всегда находила повод для радости.

На венчание приехали Мария Николаевна, Ксения Евгеньевна и Ольга Николаевна Лейхтенбергские с детьми Анастасией, Надеждой, Еленой, Николаем и Дмитрием, Мария Николаевна Граббе с сыновьями.

Стаси была в нежно-голубом платье, из украшений только

золотая цепочка с бриллиантом, браслет на тонком запястье и бриллиантовые сережки- подвески.

За праздничным обедом Стаси сидела между Николенькой и Петром Нахимовым. Ей нравился дом Голицыных, его гостеприимные хозяева, учтивый князь Голицын и ласковая княгиня Голицына, которая обняла её на пороге дома со словами:

— Как вы прекрасны, милая Стаси. Вы напоминаете принцессу из сказок, которые детстве читала мне нянюшка.

А красивый князь Алексей Голицын

улыбался Стаси так, будто она была самым близким ему человеком. Удивительно, что она испытывала какое-то душевное родство с юным князем. Недаром Ники говорил об Алексее так хорошо. Ники тоже чувствовал людей и тянулся к лучшим из них.

Об этом Стаси не преминула сказать Алексею, а он с благодарностью ответил:

— Встреча с князем Николаем Чернышёвым была одним из самых значимых событий в моей жизни, как и встреча с вами, Стаси.

— О, промолвила Стаси, улыбаясь князю, — Благодарю вас за такие слова.

— Вы позволите мне пригласить вас на вальс, — спросил Алексей, сам удивляясь собственной смелости.

— Да, конечно. Признаюсь я очень давно не танцевала.

Только иногда под патефон, пока мама нет дома.

— А я вообще не танцую, — ответил Алексей.

— Насколько я помню, в последний раз на вечере у Граббе вы прекрасно танцевали, — Стаси с легкой улыбкой смотрела на Алексея. Но тут же осеклась и добавила, смутившись, — Надеюсь, Алексей, вы не считаете меня настолько бессердечной особой, которая...

— О, нет же, — воскликнул Алексей, позволив себе перебить её, — Конечно же, нет, моё глубокое уважение к вам и дружеская привязанность к Николаю настолько сильны, что..., — он смешался, подбирая слова, которые вдруг вылетели из его головы, оставив лишь щемящее желание сохранить доверчивость и искренность их отношений со Стаси. Он робко коснулся руки девушки и та не одёрнула её, -... что вы в моем лице можете видеть только самого почтительного друга, восхищённого и преданного.

Стаси слушала его, широко распахнув глаза и Алексей, ободренный мимолетным прикосновением к её руке продолжал:

— Что бы ни произошло в вашей жизни, в моей жизни, вы всегда можете рассчитывать на меня.

— О, благодарю вас, Алёша, — теперь Стаси сама прикоснулась к его руке и тело Алексея сновахватила волна блаженства, — Я, в свою очередь, даю вам обещание вечной дружбы.

Стаси посмотрела по сторонам. Поль Легран со своей су-

пругой, которую теперь называли баронессой Легран, уже начали свой первый танец, князь Голицын пригласил Ксению Евгеньевну, а князь Вяземский Евгению Андреевну. Обе княгини Лейхтемберские стояли в тесном кружке с Вяземской и Вишняковой. А молодежь уже разбилась на пары и готовились выйти в круг танцующих. На Стаси и Алексея внимания никто не обращал.

— Мы с вами словно два заговорщика, — засмеялась Стаси.

— Верно, — Алексей тоже рассмеялся, чувствуя себя по-настоящему живым и счастливым. Он и забыл, что в этот вечер чувствовали новобрачных. Он чувствовал себя именинником, которому преподнесли лучший подарок в его жизни.

Тем временем княгиня Вяземская, княгиня Голицына и княгиня Лейхтемберская Марии Николаевна стоя у столика с шампанским в углу танцевальной залы, вели свой неспешный женский разговор об общих

знакомых, стараясь не касаться темы войны, которая всем до ужаса уже надоела. Кроме того, у хозяйки дома служили служили трое сыновей и чтобы лишний раз не расстраивать её вестями фронта, говорили о чём угодно, только не о войне.

— Отчего вы, Мария Николаевна, не вывозите своих дочерей в свет? — спросила княгиня Вяземская, — Они у вас такие красавицы, глаз не оторвать. И похоже, ваша старшая

дочь Стаси очень дружна с Алексом. Я заметила, что они весь вечер что-то обсуждают.

— Алексей Николаевич бывал у нас, Елена Андреевна. Он друг князя Чернышёва, жениха нашей Стаси. Меня многие упрекают, что мы стали настоящими домоседами, с тех пор как Николай Николаевич уехал на войну. А я вам отвечу со всей искренностью,

я не хочу, чтобы мои дочери попали в грязные лапы Гришки Распутина. Вы же знаете, что творится на любых вечерах, которые сейчас без него не обходятся. Несколько месяцев назад нас пригласила на именины Татьяна Фёдоровна Шаховская и мы пошли с дочерьми и сыном и знаете что, мои дорогие? Мне пришлось бежать оттуда чуть ли не бегом, — герцогиня положила руку на вздымающуюся грудь, словно в данный момент она убегала от неизвестной опасности, — Этот грязный мужик которого все считают святым, начал засматриваться на мою Стаси. Так и сверлил её своим тяжелым взглядом, а после подошел ко мне и сказал- княгинюшка, приходи ко мне на днях и дочь свою приводи. Красивая она. Представляете, какой страх меня обуял? Вяземская и Голицына, слушавшие с

жадным вниманием, закивали.

— Пришлось уехать. Заперла в доме детей и велела никого не принимать. Ах, если бы Николай Николаевич был дома! На днях были у Минни... Марии Фёдоровны, — тут же поправила себя Мария Николаевна, — Она посоветова-

ла укрыть дочерей дома. Пока Ники в Ставке, сказала она, в Петрограде правит Распутин. Но я с ним обязательно поговорю, добропорядочные дамы не должны остерегаться вывозить в свет своих дочерей.

— Это ужасно, — воскликнула княгиня Вяземская, — Как можно спускать с рук подобное поведение мужику, который полагает себя святым?

— Теперь мы посещаем только дома родственников и друзей, — продолжала княгиня Лейхтемберская, — И Аликс больше не зовёт нас нас в Царское Село, а ведь раньше мы дружили. После того, как она порекомендовала нам с Олей принять Распутина и получить благословение из рук его, а мы отказались, сославшись на своих духовников, она нас больше не принимает. Как и Юсуповы, мы оказались в опале. Я очень надеюсь, что все изменится, когда закончится война и мы снова сможем выезжать, не опасаясь за наших дочерей.

6.

Об этом разговоре на следующий день княгиня Голицына рассказала за завтраком в присутствии мужа и сына. Новоиспеченные супруги Легран уехали в свой дом, Пётр с родителями отправились вслед за ними.

Алексей чувствовал, как его охватила ярость после рассказа матери. Его Стаси, чистый образ который он бережно хранил в своем сердце и простой мужик со своими грязными мыслями и желаниями. Он уже в голове выстроил план

мести, пытаюсь сдержать kloкочущую в груди ярость.

Князь Голицын возмущился наглостью мужика:

— Я слышал много о его недостойном поведении, некоторые высокопоставленные особы поощряют его сами и это мне совсем непонятно. Через него добывают себе должности и деньги, более того, многие назначения в Думу и Министерство происходит именно через него. Посмотрите, как быстро убрали неугодных Распутину людей!

Не успел Николай Дмитриевич закончить свою речь, как в столовую заглянул дворецкий Александр Дмитриев и сказал:

— Прошу прощения, к вам посетители.

— Ко мне? — удивился князь Голицын, поднимаясь из-за стола, — Но я не ждал никого. Кто пришёл, Сашка?

— Княжны Лейхтемберские, — охотно пояснил Сашка, — Они вчера были здесь. Алексей вскочил и, не дожидаясь родителей, вышел в переднюю. Его сердце оглушительно бухало в груди. Что могло случиться, чтобы Стаси вдруг появилась здесь? Князь с княгиней поспешили за сыном.

В дверях, действительно, стояли Стаси и Надя со своей камеристкой. Алексей напрочь забыл её имя.

Увидев Голицыных, Стаси торопливо заговорила, пытаюсь объяснить своё присутствие в такое неподходящее время:

— Простите, что мы врываемся в ваш дом без приглашения, Николай Дмитриевич, Евгения Андреевна, Алексей Николаевич. Это только моя вина. Надя просила меня подо-

ждать, но... — Стаси умоляюще посмотрела на княгиню. В её глазах сверкнули слёзы.

— О, моя дорогая девочка! — воскликнула Шарлотта, — Проходите же скорее. Господи, вы же совсем промокли. Сашка, вели подкинуть дров в камин!

Подбежала Варвара, камеристка Евгении Андреевны, помогла снять гостям промокшую верхнюю одежду.

— Идёмте же, идёмте, — торопила княгиня, провожая девушек в гостиную, — Алёша, пусть подадут чай.

— Нет, нет, спасибо, — слабо запротестовала Стаси.

— Мы на несколько минут только, — добавила Надя.

— Никаких возражений, — с материнской авторитетностью сказала Евгения Андреевна, — Проходите в гостиную, прошу вас.

Невозможно было отказать княгине и Стаси с Надей прошли вслед за ней в уютную гостиную, где в камине жарко полыхали поленья. Шарлотта усадила девушек на диван, придвинутый к камину, а сама села на стул рядом. Она обратила на сестер Лейхтенбергских ласково-вопросительный взгляд. Алексей Не спускавший глаз со Стаси, встал у окна так, чтобы ему было видно её. Он подумал, что никогда ещё не видел Стаси настолько красивой, как в этом простом платье без украшений, с мокрыми волосами. Колечки янтарно-русых волос падали на спину и плечи, платье под ними намокло, но девушка, похоже, не замечала этих неудобств.

— Простите, пожалуйста, за наш

неожиданный визит. Дело в том, что я потеряла очень дорогое моему сердцу украшение. Вот такое, — она указала на золотой браслет, украшавший запястье сестры. Надя подняла руку, демонстрируя его и Алексей вспомнил, что видел вчера подобный браслет на руке Стаси. Этот браслет, украшенный бриллиантами и шармами в виде хрустальных капель, похожих на те, что сейчас стекали с волос Стаси, — Эти браслеты нам подарил папа, прежде чем уехать на войну, — в глазах Стаси блеснули слёзы, ещё более пронзительные, чем её расстроенное лицо, — Мы с Надей дома обыскали всё.

Она прикусила нижнюю губу, стараясь не разрыдаться.

— Мы подумали, что Стаси, возможно, обронила вчера у вас и решили удостовериться сами, — продолжила

Надя, сжав руку сестры, — Мама, если узнает, непременно будет недовольна нашим поведением и нашей бестактностью.

— О, нет, — воскликнула княгиня Голицына, — Что вы! Сейчас мы посмотрим в зале. Алёша...

Не успела она обратиться к сыну, как он сорвался с места и скрылся за дверью. Князь Голицын направился за ним.

— В зале ещё не приступали к уборке, — сказала Евгения Андреевна ласково улыбаясь девушкам, — А вот и чай. Прошу вас. Вам просто необходимо согреться. О вашей камеристке тоже позаботятся. Стаси только сейчас вспомнила о своей горничной Анюте, что приехала с ними. Анюте только исполнилось 17 лет и свои обязанности она выполняла не

слишком быстро, но старалась, что очень нравилось Стаси.

В гостиную ворвался Алексей. Его лицо торжествующе сияло, а в руке он держал сверкающий браслет. Стаси вско- чила, прижимая руки к груди.

— Он лежал на подоконнике. Видно кто-то нашел его и положил туда.

— О, благодарю, Алёша, — воскликнула Стаси, протяги- вая руку за браслетом. Алексей на мгновение представил, как Стаси в порыве благодарности обнимает его и прикаса- ется губами к его щеке. И всё его существо вспыхивает ра- достью и надеждой. О, если бы в гостинной больше не было никого! Алексею страстно захотелось сказать, что он любит её, а там будет что будет. Его совесть была чиста, ведь он не пытался разлучить её с Николаем. Разве он не вёл себя все это время очень тактично и сдержанно? Пусть весь мир узнает про его любовь. Что ему с этого?

Стаси улыбнулась юному князю и сжала его руки в порыве благодарности. Княгиня Голицына от радости захлопала в ладоши:

— Ну вот и нашлась наша потеря. А теперь давайте пить чай. Я вас не отпущу в такую погоду. На чём вы приехали к нам?

— Поймали извозчика, — Надя немного покраснела, — Наш шофёр Григорий повёз мама в госпиталь.

Княгиня Голицына ахнула:

— Вы же могли пострадать! Кто знает, какие извозчики сейчас ездят по Петрограду? Я всегда опасаясь ездить с незнакомыми людьми. Князь Голицын отвезет вас домой.

— Но, дорогая, — осторожно сказал князь, — Мне уже пора выезжать, а наши гости ещё не вполне согрелись. Пусть Алекс отвезёт.

— Конечно! — воскликнул обрадованный

Алексей, — У меня есть ещё час в запасе, а после мне нужно будет заехать за Петей. Я непременно доставлю вас прямо до дверей дома.

— Благодарю вас, — снова сказала Стаси, — Сегодня, похоже, вы наш ангел-хранитель.

Она протянула руку Наде, чтобы та застегнула браслет, но Надя, склонив голову над украшением, с огорчением заметила:

— Тут замочек ослаб, нужно отнести браслет к ювелиру, чтобы сделал его.

Стаси взяла браслет и положила его в кармашек платья. Ксения Евгеньевна начала с жаром рассказывать о вчерашнем празднике, словно забыв, что обе княжны были на нём. Но они слушали с неподдельным интересом, задавали нужные вопросы, так что княгиня Голицына рассталась со своими

гостями, будучи в полном восторге от них.

Алексей отвез княжон Лейхтенбергских до дверей их до-

ма, с сожалением простился с ними и поехал за Петром.

— Какой же он милый молодой человек, верно? — спросила Надя Стаси, когда они вернулись домой.

— Что? — Стаси задумчиво посмотрела на сестру.

— Я говорю про Алексея Голицына. Он очень мил.

— Да, верно, — Стаси нервно крутила в руках браслет, — Очень мил.

— Тебя что-то беспокоит? — Надя подошла к сестре и взяла её за руки.

— Я не знаю, — Стаси вдруг расплакалась, — Не знаю, что будет дальше. Совсем недавно я была уверена в своем будущем, а теперь... От Николая уже неделю нет писем и я тревожусь за него. В то же время я устала ждать. Понимаешь, у меня такое чувство, что с тех пор как мы познакомились с ним, я только и делаю что жду его. Мне уже 21 год, Надя.

— Не нужно напоминать мне о моём возрасте, — буркнула Надя.

Стаси неожиданно для себя расхохоталась сквозь слёзы и шутливо стукнула сестру по руке:

— Ты на два года младше меня, старушка!

— Вот, вот! В моем возрасте ты уже была невестой.

— И остаюсь ей по сей день. Я люблю Николая, но чувствую, что он отдаляется от меня всё дальше и дальше.

— Это продлится недолго, — уже серьезно сказала Надя.

Они сидели в музыкальной комнате и Надежда своими

тонкими пальцами

перебирала клавиши на рояле, — Война закончится, Николай вернётся и вы снова будете вместе, а я так и останусь старой девой.

Стаси в изумлении устоялась на сестру, убрала браслет, присела возле пуфа и взяла руку сестры, — Откуда у тебя в голове подобные мысли?

— Ниоткуда, — буркнула Надя, пряча лицо.

— Посмотри на меня, злючка.

Надя посмотрела на Стаси.

— Я думала, что мы сегодня увидимся с графом Нахимовым, вот и всё.

Стаси нежно улыбнулась:

— Хочешь, попрошу маму пригласить Голицыных на Рождество? Пётр Нахимов обязательно придёт с ними.

— Так и скажи, что просто хочешь увидеть красивого князя Голицына.

Стаси рассмеялась. Хорошее настроение снова вернулось к ней.

— Почему бы и нет. Он очень мил.

— Да, он очень мил, — повторила Надя и они обе снова расхохотались.

6.

Приближался 1916-й год и Петроград, несмотря на продолжающиеся военные действия, был украшен праздничны-

ми флагами, гирляндами из еловых ветвей и портретами императора. Рестораны и кабаки круглосуточно принимали посетителей. Несмотря на ограничения на продажу алкоголя, введенные в 1914 году, город бурлил, наводнённый тысячами беженцев с прифронтовых территорий. Настроения в городе стали более реакционными. Бастовали рабочие, крестьяне и беженцы, бастовали все, даже те, у которых не было особой причины бастовать.

— Просто так некоторые не слишком сознательные личности создают вид собственной озабоченности положением в России, — фыркнул Николенька, — Лучше бы шли на фронт и помогли там, если вообще способны приносить какую-то пользу.

И он, гордо вскинув свою темноволосую голову, уходил с Митей в оружейную, где они строили несбыточные планы своих ратных подвигов.

Стаси усмехнулась, глядя им вслед. Маленькая комната, где Николай Николаевич Лейхтенбергский хранил пистолеты, пожалованные ему Николаем II, кривые кинжалы, привезённые с Кавказа и палаш его деда, называлась Оружейной, хотя помимо вышеперечисленных предметов и нескольких охотничьих ружей, запёртых в шкафу, никакого оружия здесь не было. Но зато на стене красовался огромный портрет герцога Лейхтенбергского в казачьей форме. Мальчики особенно любили эту комнату и подолгу сидели здесь, перечитывая письма Николая и Георгия Лейхтенберг-

ских, написанные в палатках при неверном свете свечи. Так они представляли себе службу штабных капитанов.

Стаси, Елена и Надя посмотрели вслед братьям, после переглянулись с улыбкой. Какие же они по сути своей ещё дети, хотя Николаю исполнилось двадцать, а Мите девятнадцать лет.

Елена Лейхтенбергская была радостно-взволнована. От графа Мезенцева с фронта летели письма, наполненные бесконечной любовью и преданностью.

— И где сейчас Сергей Иванович? — с деланно безразличным видом спросила Стаси.

Надя внимательно посмотрела на сестру, но ничего не сказала. Стаси всё больше и больше ценила её за молчаливую тактичность.

— Не делай вид, что ты не знаешь, где сейчас Серёжа и Ники, — улыбнулась Елена.

— Я и правда не знаю, — не без горечи ответила Стаси, — От Николая уже две недели нет ни одного письма. Я думала, что по причине дурной работы военной почтовой службы, но, как оказалось, нет.

Елена беспомощно посмотрела сначала на Стаси, потом на Надю, после села рядом со Стаси, обняла её за плечи:

— О, моя дорогая! Наверное, Николай очень занят.

Елена снова посмотрела на Надю, но та по-прежнему хранила молчание.

— Всё в порядке, Леночка. Не стоит оправдывать Нико-

лая, -сказала Стаси, улыбаясь кузине, — Я очень рада, что ты любишь и любима. У меня нет обиды на Ники, я уверена, что если он не пишет, значит на это есть причины и все скоро выяснится. Моё дело ждать жениха с фронта и верить ему. Разве Ники дал мне хоть один повод для сомнения? Нет, конечно, две недели молчания ни в коей мере не могут подорвать моего доверия. Тем более, что Сергей Иванович пишет, что они постоянно переезжают с одного места на другое, и это война, а не увеселительная прогулка, — Стаси пожала плечами, посмотрела на Елену невыразимо кротким взглядом.

Елена неожиданно для самой себя почувствовала боль и обиду за кузину и вечером, будучи дома, написала Сергею ответ, где выразила свое непонимание и недоумение по поводу молчания Николая.

Рождество принесло семье Лейхтенбергских неожиданно большую радость. На побывку приехали Николай и Георгий Лейхтенбергские. Они решили не предупреждать родных и, когда Николай Николаевич появился на пороге в сопровождении сияющего Григория, в доме поднялся настоящий переполох. Мария Николаевна в пеньюаре и домашнем халате не знала, за что схватиться — то ли бежать переодеваться, то ли обзванивать родственников и друзей, то ли упасть в обморок прямо в передней, где дети уже облепили улыбающегося герцога.

— Стаси, Надя, — восклицала княгиня, — Девочки, велите подать скорее горячий завтрак! Николя, отпусти же папа, дай ему переодеться с дороги. Эмма, Наташа! Быстрее, быстрее! Шевелитесь же. Всё должно быть готово через полчаса. О,

Господи!

Камердинер герцога, не потеряв присутствие духа, в мгновение ока приготовил господину горячую ванну и чистую одежду. Стаси с Надей убежали к себе переодеться к завтраку, Николенька восторженно рассматривал ятаган, что привез ему отец в подарок, а младшие дети Сергей, Михаил и Мария продолжали бегать по дому, радуясь приезду отца.

— Серёжа, ты уже не ребенок, — ласково сказала мать,

глядя сына по голове, — Тебе двенадцать лет и ты скоро станешь выше меня ростом. Разве годится так шуметь и проказничать?

— Мама! — восклицал Серёжа, смотря на мать большими синими глазами, похожими на глаза Стаси и Ники, — Но сегодня такой радостный день! Не браните меня в моем счастье.

Первое, что сделали братья Лейхтенбергские по приезду домой, отправились в Царское Село с визитом к Государю. Николай Александрович встретил их чрезвычайно любезно. Николай Николаевич всегда восхищался его памятью, ведь Его Величество практически с точностью до дня вспомнил, где находился полк, в котором служили братья Лейхтенбергские. Николай и Дмитрий сопровождали их в поездке. Государь Николай Александрович тепло поздоровался с юношами, поинтересовался их учёбой. Николенька был очень взволнован высочайшей встречей, особенно тем, что великая княжна Татьяна встретила их у кабинета отца и улыбнулась так радостно, что у Николая защемило сердце.

— Заглядывайте в гостиную. Мама хочет видеть вас, — сказала великая княжна. После короткого разговора с Государем Николай и Дмитрий спустились в гостиную императрицы и Николай был поражен видом Александры Фёдоровны, хоть и не подал виду. Она очень похудела и осунулась. Слабая улыбка промелькнула на её лице,

когда она увидела Николая и Дмитрия. Она, как Государь, спросила у них про учёбу и Митя, за что Николенька особенно был благодарен, начал рассказывать про военную подготовку.

— Я думаю, ещё пару месяцев и мы с Ники сможем, наконец, отправиться на фронт, чтобы приносить настоящую пользу. Государыня кивала головой, но у Николеньки возникало ощущение, что она даже не слышала, о чём рассказывал Митя. Зато цесаревич слушал его очень внимательно и пару раз

задал весьма деловые вопросы об оружии, новой форме, что пошили для кадетов, и занятиях по стратегии ведения войны.

Великие княжны слушали с интересом. Они собственноручно приготовили гостям кофе и все вчетвером сидели на одном диване, чинно сложив руки на белых юбках. Самой младшей, Анастасии, были не очень интересны разговоры о военной подготовке, но она делала вид, что внимательно слушает. Великая княжна Ольга была чрезвычайно любезна, вела себя, как настоящая императрица, что принимала своих подданных. Великая княжна Татьяна и великая княжна Мария порой переглядывались и в их глазах блестели задорные искорки. Только об одном сейчас жалел Николай — что он не был на фронте. В его годы большинство молодых людей уже прошли боевое

крещение, а он все ещё учился и ни одного оправдания

для себя не находил. Что с того, что он получит офицерское звание и сможет командовать ротой, если у него нет никакого боевого опыта. Единственное, что служило ему сейчас утешением — это быстрый и веселый взгляд великой княжны Татьяны.

8.

Герцог Лейхтенбергский остался дома на Рождество. Мария Николаевна решила устроить самый настоящий праздник, на который прибыли герцог Георгий с семьей, Ксения Евгеньевна, граф Граббе Александр Николаевич с женой и сыновьями, София Ивановна Всеволожская с дочерьми, Мария Николаевна Граббе-Оболенская с детьми, Голицыны, Пётр Нахимов с сестрой и с ее супругом.

— Может, придёт Стана с детьми и великим князем Николаем Николаевичем, — задумчиво проговорила Мария Николаевна, изучая меню, — Но я не уверена. Великий князь должен на днях уехать на Кавказ. После его отставки он практически постоянно пребывает в дурном расположении духа. Наталья Ивановна! — позвала княгиня старую экономку и, дождавшись, пока та зайдет в гостиную, спросила, — Наталья Ивановна, проверьте продукты. Всё ли доставили и прибыл ли помощник повара? Раз уж мы пригласили гостей, всё должно быть безупречно, от оркестра до праздничного обеда. Стаси, Наденька, ваши платья уже готовы? Подойдите

ко мне чуть позже, я подберу украшения и обсудим прическу. Какая радость, Наталья Ивановна, что Николай Николаевич дома! Как будто всё уже

налаживается. Стаси, дорогая, посмотри, кто оставил визитки с ответами.

— Мама, — ответила Стаси, улыбаясь, — Уже давно все звонят по телефону. Нет надобности ездить по домам, чтобы ставить визитку с ответом. Стало всё гораздо проще.

— Да, — вздохнула Мария Николаевна, — Стало проще, но старые традиции тоже нельзя забывать. Вы так торопитесь жить, забывая о том, что эти традиции веками соблюдались вашими предками.

— Визитки оставили князь Голицын, тетушки Марии Николаевна, Ксения Евгеньевна и господин Легран.

Лицо княгини посветлело:

— Это очень мило. Как же я рада этому празднику, девочки. И папа ваш дома. Господи, пусть уже скорее закончится эта война, — Мария Николаевна

перекрестилась, потом поднялась с кушетки. Погладив Стаси по щеке, она быстрым шагом прошла на кухню, чтобы самой проверить, все ли продукты подвезли.

Стаси бросила в зеркало оценивающий взгляд. Её новое белое платье с нежно-розовыми лентами по талии и кружевными рукавами очень шло ей и поддерживало образ нежного воздушного создания. На Наде было такое же платье, но

украшенное голубыми лентами, а на руке красовался браслет, подаренный отцом. Стаси посмотрела на свой браслет и вздохнула:

— Я все забываю отдать браслет ювелиру.

— Скажи Григорию, пусть отвезёт. Мама как раз на днях собиралась его отправить к ювелиру, чтобы вставить в кольцо новый камень. И ещё, мне кажется, что это платье тебе идет гораздо больше, чем мне. Я в нем словно ученица института благородных девиц, — Надя критично осмотрела себя в зеркало.

Стаси рассмеялась и взяла её за руки:

— Ты прекрасна и знаешь это.

Когда девочки Лейхтенбергские спускались вниз, гости уже начали собираться в бальной зале. Небольшой оркестр уже начал настраивать инструменты, официанты разносили шампанское, вино, привезенное из Крыма, и прохладительные напитки. В столовой, на застеленные белыми скатертями столы, расставляли столовые приборы. Праздничный обед предполагался не ранее шести, а пока гостям подали лёгкие закуски и фрукты. Княгиня Лейхтенбергская порхала от одного гостя к другому, улыбаясь всем и показывая, насколько она счастлива. Герцог

Николай с улыбкой наблюдал за женой, наслаждаясь лёгкой беседой в компании князя Голицына и графа Михаила Граббе.

— Очень приятно видеть вас, Стаси, — сказал Алексей, подходя к девушке сразу же, как только она появилась в зале. Пётр Нахимов, не теряя времени, завладел рукой Нади и пригласил её на вальс, который открывал вечер.

— Здравствуйте, Алексей, -улыбнулась Стаси.

— Не откажите мне в удовольствие танцевать с вами первый вальс, -сказал Алексей, кланяясь.

— О, как официально, князь, — глаза Стаси смеялись.

В зале зажгли хрустальные люстры и их свет отражался в огромных зеркалах. В центре зала стояла ёлка, благоухая хвоей и ароматом зимнего леса. Колонны обливали гирлянды из еловых веток, а на низеньких столиках стояли широкие вазоны с цветами.

Стаси чувствовала себя так радостно, словно вернулась в прекрасные дни, когда Николай только ухаживал за ней и не было никакой войны. И сейчас он стоял перед ней, высокий, красивый. Хотя, нет, так обмануться она не могла. Конечно же, это был Алексей Голицын. Но отчего сердце её бьётся так сильно, как тогда, когда ей сделал предложение Николай. Она ещё могла бы понять, если бы они были похожи, но нет, Алексей гораздо выше ростом и крепче в плечах волосы тёмные, а Николай светловолосый, да и глаза у Алексея совсем другие. Синие, почти как у неё самой, но более насыщенного цвета, словно небо перед грозой.

Удивительно, что ей хотелось сегодня смеяться без повода, танцевать и весело

болтать о тех пустяках, которые волновали её в годы де-
вичества. Ей всего двадцать один год, она невеста человека
которую ушёл на войну и уже два года выполняет свой долг,
который сам взвалил на себя. И без сомнения, она дожждётся
его. И когда война закончится, они будут на правах хозяев
принимать гостей, а Анастасия с таким же счастливым ви-
дом обойдёт всех гостей, как сейчас это делает её мать.

— Вы сегодня особенно очаровательны, Стаси! Вам так
идет это чудесное платье.

— Полно, Алёша, -засмеялась Стаси, — Мы с вами дру-
зья. Мне не обязательно говорить дежурные комплименты.
И всё равно, благодарю вас за приятные слова.

Она положила свою руку на запястье Алексея. Они вышли
в круг танцующих.

— Это совсем не дежурный комплимент, я говорю то, что
на самом деле думаю.

— Ну, тогда я ещё больше ценю ваши слова. Как же сего-
дня удивительно прекрасно звучит вальс, правда?

— Сегодня все вокруг мне кажется особенно прекрас-
ным. И этот вечер, и ваш гостеприимный дом, и от того, что
всё вокруг озарила ваша чудесная улыбка, — Алексей смот-
рел сверху вниз на прелестную головку Стаси, на золотистые
кудри, украшенные бриллиантовыми заколками, на её тон-
кие изящные руки в кружевных перчатках. Чувствовал теп-
ло её гибкого тела и все его желания, которым он не позво-
лял взять над собой верх, всколыхнули всё его существо с

такой силой, что Алексей едва удержался от того, чтобы не упасть перед ней на колени и признаться в любви. А там будь что будет.

Стаси подняла на Алексея сияющий взгляд:

— Вы сегодня решили очаровать всех девушек, говоря им комплименты, князь? Признавайтесь, сколько сердец уже успели разбить до сегодняшнего дня?

— Не смейтесь надо мной, Стаси. Поль говорит, что я слишком робок и застенчив, чтобы увлечь барышню.

— Что вы, Алексей, — сказала Стаси с теплотой в голосе, — Я нисколько не смеюсь над вами. Мне кажется, что вы недооцениваете свои чары, — сказав это, Стаси едва не прикусила язык.

Что с ней сегодня происходит? Отчего она так отчаянно флиртует с человеком, которого искренне считает своим другом? Нужно было спасти положение и она добавила:

— По крайней мере, я знаю девушек которых вы уже успели покорить своим красноречивым молчанием. Хотите, я представлю вас тем красавицам, что сегодня присутствует здесь и с кем вы ещё не знакомы.

— О, нет, благодарю, Стаси, — воскликнул уязвлённый Алексей, — Если вам моё общество не слишком приятно, лучше так и скажите.

Стаси подняла на молодого князя удивленные глаза.

— Что вы, Алёша, — искренне ответила она, — Я совсем

не это имела ввиду. Напротив, в вашем присутствии я чувствую себя по-настоящему живой. Будто все это время находилась в каком-то сне, где идет война, где мой жених, черты лица которого начинает стираться из моей памяти, уехал на эту войну, — эти слова Стаси произнесла с горечью, — И это не его вина. Слишком много времени прошло с нашей последней встречи. Может быть, мы поторопились, дав слово друг другу, — сказав это, Стаси сама испугалась и поспешила сгладить свой промах, — А вы как мой друг, в чьем присутствии я чувствую себя спокойно и умиротворенно, словно именно вам я могу сказать всё, вы не осудите меня. Какой бы глупости я ни сказала.

— О, несомненно! Это так и есть, — пылко ответил Алексей, — Что бы не произошло, я всегда буду рядом.

Он хотел ещё что-то добавить, на волнение сдавило его горло и благодарный взгляд прекрасных глаз Стаси заставил чаще биться его сердце. Когда-нибудь я умру от одного её взгляда, от одного ласкового слова, просто потому, что моё сердце разорвется на части. Но и тогда оно будет принадлежать только ей.

Вальс закончился и Алексею пришлось проводить девушку до её матери, которая оживлённо говорила с княгиней Вяземской и графиней Граббе. Алексею хотелось остаться рядом со Стаси, он отчаянно искал повод, чтобы хоть на пару минут задержаться и тут его окликнула княгиня Вяземская:

— Дорогой Алекс, не спешите так быстро покидать нас. Кэти, моя дочь, в своем письме просила передать вам наилучшие пожелания. Понимаете, дамы, они в Ницце очень сдружились с Алексом. О, это были прекрасные времена! Помните, Алекс, как мы вместе гуляли по берегу моря и вы с Кэти кидали камешки в воду? Кэти тогда сердилась на вас за то, что вы не могли ей поддаться и всегда выигрывали. Мне кажется, Кэти была тайно в вас влюблена, — княгиня Вяземская могла себе позволить подобную вольность, так как Кэти была уже замужем и её репутации ничего не угрожало.

Алексей покраснел и пробормотал:

— Что вы, Елена Андреевна...

— Да-да, не в спорьте, — она кокетливо стукнула Алексея веером по плечу, — Ведь я могла бы быть вашей тёщей. Княгиня Мария Николаевна Лейхтенбергская и графиня Граббе улыбнулись, а Ксения Евгеньевна с недоумением взглянула на княгиню Вяземскую, не находя в словах этой пустоголовой болтушки ничего смешного. Стаси вопросительно подняла брови и посмотрела на Алексея. Ей вдруг захотелось вызвать красивого князя Голицына из неловкой ситуации. Княгиня Вяземская, принимая общее молчание за живой интерес к её словам, продолжала тем же воодушевлением:

— Но все закончилось в тот момент, когда наш Алекс не на шутку увлёкся одной

актрисой, что сбежала с Италии после неудачного романа с неким высокородным дворянином, принцем крови. Как её звали, не могу вспомнить, — княгиня Вяземская выжидательно посмотрела на Алексея. Тот совсем смешался. Ему хотелось провалиться сквозь землю сейчас, сию же секунду. Стаси моментально оценила обстановку:

— Алексей Николаевич, помниться мне, вы обещали мне третий танец, и кажется, он уже начался. Оркестр заиграл вступление и пары уже выстроились. -Идёмте же, — и она, положив руку на локоть Алексея, увела его в круг танцующих. По дороге она заметила, как одобрительно кивнула Ксения Евгеньевна, а её мать недоуменно посмотрела ей вслед.

— Спасибо, Стаси, что спасли меня, — с пылкой благодарностью произнес

Алексей.

— Я не могла позволить княгине Вяземской ставить вас в неудобное положение перед гостями, — ответила Стаси, улыбаясь князю, — И теперь моя репутация находится под ударом.

— О, Боже, -прошептал Алексей, — Никогда ещё не чувствовал себя столь неловко. Благодарю вас, Стаси, от всего сердца! Клянусь вам в вечной дружбе и признательности.

— Не нужно клясться, — сказала девушка, — Я без этого уверена в вашей дружбе.

— Я хочу рассказать о том случае, — начал Алексей

неумело, — С той актрисой...

— Не нужно, Алёша, -повторила Стаси, — Я не могу себе представить, чтобы вы сделали что-то плохое кому-то. С вашим достоинством, вашей добротой это просто невозможно.

Алексей с обожанием посмотрел на девушку. Стаси замерла на миг. Почему-то ей показалось, что Николай никогда не смотрел на неё так.

— Вы правы, Стаси. Дурно поступил не я, дурно поступили со мной. Но всё давным-давно уже в прошлом.

— Вот и отлично. Тогда не о чем говорить. Только прошу вас, после этого танца отведите меня к моей сестре, а не к матушке, которая до сих пор о чём-то беседует с княгиней Вяземской.

— Ваша сестра танцует с Петей Нахимовым.

— Ах, верно, уже третий танец. Видимо ещё один вальс и говорить будут о Наде и Петре. В этом есть своё преимущество. Тогда забудут о нас.

Алексей расхохотался:

— Стаси, вы прекрасны!

— О, благодарю вас! Только мы, Алёша, сбились с такта. Сейчас поворот, раз, два, три, раз, два, три...

— Дорогая моя, — сказала княгиня Лейхтенбергская Стаси на следующий день после рождественского бала:

— Мне бы хотелось обсудить с тобой вчерашний вечер.

— Конечно, мама, — ответила Стаси покорно, понимая какой разговор им предстоит.

Она прошла вслед за Марией Николаевной в её маленькую гостиную, по дороге сделав знак Наде, что всё в порядке. У Нади округлились глаза и она несмело пошла вслед за сестрой.

— Наденька, — мягко сказала герцогини, — Я бы хотела побеседовать со Стаси наедине.

— Мама, — с жаром сказала Надя, — Стаси не виновата в том, в чём вы её обвиняете.

— Я её ни в чём не обвиняю, — княгиня Лейхтенбергская округлила глаза с самым невинным видом, — Но если ты хотела поддержать сестру, идём с нами. К тебе у меня есть тоже несколько вопросов.

Надя радостно сжала руку сестры и сказала:

— Нас ведут на допрос, а после расстреляют.

— Ох, ну что за ребячество! — покачала головой Мария Николаевна, пытаясь сдержать улыбку.

Она обожала своих детей и, надо сказать, взрослые дети доставляли ей ничуть не меньше удовольствия, чем младшие, послушные и ласковые.

Они вошли в гостиную. Княгиня Лейхтенбергская плотно закрыла за ними дверь.

— Стаси, милая моя девочка, — сказала она без обвиняков, — Вечером я наблюдала за тобой и князем Алексеем Голицыным и немного обеспокоена вашим тесным общени-

ем. Ты поступила несколько опрометчиво, когда увела его танцевать. Твой маневр заметили все.

— И что же я сделала предрассудительного, мама? — спросила Стаси. Она не чувствовала себя виноватой.

— Если бы я не знала тебя, не знала Алексея Николаевича, со стороны можно подумать, что вы пара, — смутившись на последнем слове, произнесла Мария Николаевна.

— Алексей мне друг и только, — ответила Стаси, — А увела потому, что не могла слушать, как княгиня Вяземская говорит вещи, которые неприятны нашему гостю. Мы ведь должны заботиться о удобстве наших гостей, верно?

— Верно, — вздохнула княгиня, — Я знала, что у тебя найдётся сотня оправданий.

— Простите, мою дерзость, мама, но мне даже не в чем оправдываться, — с ласковой почтительностью сказала Стаси, — Кто бы не находился в это время на месте князя Алексея, я поступила бы точно так же. Наверное, когда мы ушли, княгиня Вяземская закончила свой рассказ в мельчайших подробностях, как она всегда это делает?

— Да.

— Ну, конечно, остановить этот летящий на полном ходу локомотив не представляется никакой возможности, — хмыкнула Стаси.

Герцогиня рассмеялась:

— Ладно, ты взяла вверх. Я позову Алексея Николаевича на обед, чтобы как-то загладить то неприятное впечатление,

что могло остаться у него после рождественского бала.

— Алексей Николаевич человек добрый и чуткий, поэтому не держит на вас обиды, — с улыбкой сказала Стаси, — Но пригласить его на обед это хорошая идея.

— Ладно, — Мария Николаевна кивнула и обратила взор на Надю:

— Семь танцев за вечер с одним кавалером, не много ли? Граф Нахимов сделал тебе предложение?

— Пока нет, матушка, — сказала Надя, сияющими глазами глядя на мать, — Но сделает вскорости.

— Так я и думала, — кивнула герцогиня, обнимая дочь за плечи, — Если Пётр Евгеньевич собирается просить твоей руки, пусть поспешит, пока Николай Николаевич дома. На будущей неделе он с братом уедет на Кавказ и бог знает, когда ему доведётся снова вернуться домой.

— И вы дадите свое согласие, мама? — не сдерживая своей радости, воскликнула Надежда.

— Конечно, — княгиня вытерла глаза кружевным платочкам, — Всё, что мне нужно, чтобы вы были счастливы. А если ты уверена в своих чувствах, то я благословляю тебя.

Надя бросилась в объятия матери.

— Кроме того, — продолжала княгиня, глядя дочь по голове, — Граф и графиня Нахимовы тоже пока в Петрограде и мы можем обсудить детали. Как ты думаешь?

— Я думаю, что это прекрасно.

Стаси со слезами радости за сестру наблюдала эту сцену.

9.

В начале 1916-го года новым председателем Совета министров был назначен Борис Владимирович Штюмер и это назначение вызвало очень негативную реакцию не только в Думе но и среди министров.

— С чем связано это назначение? — пожимал плечами Родзянко, — Не вижу в его биографии ничего достойного, чтобы занимать такой ответственный пост.

— Просто марионетка в руках Распутина и императрицы, — вторил Коковцев, — Не нравится мне, что государыня всё больше вмешивается в управление страной, пользуясь тем, что император уехал в ставку.

Думе был поставлен ультиматум министром Внутренних Дел Хвостовым, что на заседании Думы в феврале не будет поднят вопрос о Распутине. В противном случае Дума просто не будет созвана.

— Наверняка, Штюмер обещал императрице, что не допустит никаких упоминаний о Распутине на заседании Думы, иначе каким же образом он заслужил её полное доверие. Но он никак не может гарантировать ей этого, — фыркнул Милюков.

Но и у Милюкова выбора особо не было, кроме как обеспечить поддержку Штюмера и обещать тому не поднимать вопрос о растущем влиянии Распутина.

В феврале 1916-го года в Думу приехал государь Николай Александрович. Он произнёс небольшую речь, после прошёл в зал заседания и Родзянко провел ему экскурсию по зданию. Николай Александрович внимательно осмотрел все помещения, дал несколько ценных советов по обустройству нежилых комнат и вернулся в зал заседания. Государь умел быть очаровательным и это

признавали все. В этот день народу в Думе собралось столько, сколько ещё ни разу не было за всю историю Государственной Думы. Началось заседание с торжественного молебствия и дани памяти павшим воинам на поле брани.

— Какая радость нам. Какое счастье, наш русский царь здесь, среди нас, — провозгласил Родзянко, смахивая скучную мужскую слезу.

Визит императора в Думу народ воспринял с ликованием, полагая что это начало полного единения власти с народом.

На повестке дня встал единственный вопрос- " все для фронта», который должен был свести на нет все возможные разногласия с правительством и Сенатом. С этим лозунгом согласились все, но у каждого по-прежнему было свое мнение, как лучше претворить его в жизнь. Бурно обсуждался военный бюджет. Это был довольно острый вопрос и вызывал достаточно много негативных речей, которые в конце концов свелись к теме, которую договорились не выносить на всеобщее обсуждение. К теме влияния Распутина.

Чтобы не нарушать договоренности, Родзянко испросил

разрешения на встречу с императором, где высказал ему всеобщие опасения о судьбе России и о недовольстве вмешательством мужика в дела государственные. Его Величество слушал Михаила Владимировича молча, говорил только на военные темы и Родзянко уже решил, что его доводы не возымели никакого действия. Но после Распутина выслали на родину и спикер собрал у себя руководитель фракций и рассказал им о высочайшей встрече. Он

лично просил их поддержать его и не допустить нежелательных речей на заседании Государственной Думы. Его доводы внимательно выслушали и, что особенно оценил Родзянко, согласились пойти навстречу. В те дни перемирия между Думой и правительством было более-менее достигнуто.

— Это ложное чувство, — предрекал князь Голицын, качая головой, — Не стоит ему поддаваться. Сейчас руководители фракций вняли доводам Михаила Владимировича, но это не будет продолжаться долго.

— Обратите внимание на Керенского, — кивнул князь Вяземский, что сидел по обыкновению в своем глубоком кресле, закинув ноги на низенький столик из карельской березы. Княгиня Вяземская не позволяла мужу портить это дорогое её сердцу предмет мебели, но привычка

побеждала. Сейчас княгиня Вяземская была занята, принимая гостей в своей безупречной гостиной и князь с удовольствием водрузил свои ноги в тяжелых сапогах на пре-

красный столик, украшенный тонкими узорами из серебра, — Он так рвётся в бой и видно как сдерживается, чтобы не выдать очередную искромётную тираду под оглушительный звук аплодисментов, — князь фыркнул.

— Если Распутин вернётся, это конец, — задумчиво произнес Голицын.

— Конец чего, Николай Дмитриевич? О чём вы говорите?

Князь Голицын с недоумением взглянул на Вяземского, точно вовсе не он сказал эту фразу и пробормотал:

— Я не знаю.

10.

В 1916 году в армии среди мирного населения появилась надежда на скорое успешное завершение войны. По всей стране были построены военные заводы и уже не так остро стоял вопрос о нехватке вооружения.

После жесточайшего кризиса 1915-го года, который обескровил не только русскую армию, но и все армии воюющих держав, положение понемногу стало улучшаться. Не только за счёт собственного производства, но и благодаря массовым закупкам в других странах. Не все державы могли продавать вооружение, так как сами испытывали снарядный голод. Слишком много сжигалась в топливе войны, не только вооружение, но и человеческие жизни, что было всеобщей болью.

Великий князь Александр Михайлович призывал беречь снаряды, патроны, при необходимости отступить.

— Если нет другого выхода, не стоит бросаться на врага с голыми руками, — говорил он с горечью своим командирам, — Жизнь любого нашего солдата дороже, чем посмертное чествование героя, погибшего в нервной схватке, не имея даже ружья.

Николай Чернышёв и Сергей Мезенцев, сидя в дальнем углу комнаты, переглянулись. Только сегодня утром они вернулись с инспекции по зоне, оставленной русской армией, но ещё не занятой неприятелем.

Ползком пробирались по вырытым в спешке окопам и каково же было их изумление, когда они увидели несколько десятков ящиков драгоценных снарядов, которые использовались для защитного сооружения.

Воспользовавшись затишьем, молодые люди велели вытащить все ящики на территорию, занимаемую русскими войсками.

Николай привык к стрельбе и уже не обращал внимания на редкие оружейные выстрелы.

— На той стороне тоже кончились снаряды, — хмуро говорил капитан Сосновский, — Иначе лежать бы нам всем сейчас в этом Богом забытом месте.

Над искромсанной взрывами землей вставало зимнее солнце, заливая всё вокруг золотистым светом. Николай,

Сергей и Алексей Сосновский сидели в окопе на старых деревянных ящиках, ежась от холода.

— Есть что пожевать? — спросил Сергей, допивая воду из старой помятой алюминиевой фляги. Сосновский вытащил из заплечного мешка сухари и кусок сала, завёрнутый в когда-то

белый носовой платок, протянул Сергею. — Ты будешь? — спросил он Николая. Тот покачал головой, — Надо поест, Ники, тебе ещё сегодня понадобятся силы. Неизвестно, когда мы вернёмся в расположение ближайшей части. Ещё нужно будет взять объяснительную с командиров и солдат. Пусть на местах выясняют, что же тут произошло. Отчего не вывезены такие драгоценные сейчас боеприпасы.

— Не первый случай в нашей практике, — проворчал Сергей Мезенцев, — И концов не найти. Все кивают друг на друга, мол, виноват кто-то другой. Поверишь, Алексей, мы вывозили пушки, гаубицы, прикрытые брезентом и мешками с песком, что бросили отступающие солдаты. И это не считая того, что попало в руки неприятелю. Все воют, что у нас недостаточно вооружения. Это конечно, так и есть. Но если мы перестанем бросать его всякий раз, как приходится отступать, мы никогда не преодолеем снарядный голод.

Николай молча кивнул. Он поддерживал слова Сергея, но вступать в разговор ему не хотелось. Война, война, война... Разговоры только о ней, мысли только о ней, сны только о ней. То что было до войны, случилось не с ним, а с каким-то

другим Николаем Чернышевым, добрым наивным юношей, который был помолвлен с самой красивой девушкой Петербурга. И ждала она того Николая, прошлого.

Что скажет он, когда предстанет перед глазами Стаси? Сможет ли вести разговоры о книгах, о музыке, о любви, наконец?

«Не надо было ей связывать со мной своё будущее», — порой угрюмо думал

Николай, а после с ужасом одергивал себя. Это же Стаси, его единственная любовь и только она была нужна ему. Да, он забыл, каково это, когда её лёгкие руки обвиваются вокруг его шеи, забыл запах её волос, нежность её кожи, но это не значит, что он не любил. Только к этой любви теперь примешивалась боль реальности, окружающей его и разочарование в самом себе. С чего он взял, что что-то значит в этой жизни? Почему решил, что может гордиться своими поступками? Может ли сказать всем, не отведя глаз, что сделал всё что мог, на месте, в котором находился. Не поймёт ли Стаси, увидев его, что он дутый герой на фоне боевых офицеров, вернувшихся домой с победой. Может быть, её разочарование будет ещё сильнее, чем его собственное в самом себе. И он поймёт это и будет ещё больше любить.

Однажды он поделился своими мыслями с Сергеем и тот ответил раздражённо, не на него, Николая, а на ситуацию в целом:

— Не говори ерунды, Ники! Стаси нужен ты, а не твои награды. Объясни мне, наконец, отчего ты решил заняться самобичеванием? Ранее за тобой такой привычки замечено не было. Герой- не герой! Мы здесь все выполняем свою работу и если она заключается в том, чтобы проводить инспекции, значит мы будем продолжать делать это.

— А ты изменился, Серёжа.- Николай с уважением посмотрел на друга. — Когда я впервые увидел тебя у покойного Сергея Александровича, я подумал, как такой шалапай, как ты, будет служить?

Сергей рассмеялся:

— Ты уже служил несколько лет и показался мне сначала невыразимо

скучным. Даже в непроницаемом лице Джунковского было больше жизни, чем в твоём. Сколько тебе было тогда?

— Пятнадцать, — со смехом ответил Николай, — Помню, как ты стоял за спиной князя Трубецкого и корчил рожи. — Я просто хотел тебя немножко повеселить, — сказал Сергей, — Вот Петя Нахимов, тот аж красный весь был от усилий не расхотаться прямо там, во время приёма представителей Московского дворянства.

— Этот случай крепко сдружил нас тогда. — Николай погрузился в воспоминания.- Сергей Александрович, дабы мы не болтались без дела, гонял нас по поручениям, а великая книгиня, напротив, жалела.

— Тогда наши дни были расписаны буквально по мину-

там.- поддержал Сергей, — Школа, занятия, мелкие поручения верховая езда. И мы всё равно находили место для игр. Помнишь, как Элла застала на дереве, когда мы ели вишню?

— У меня потом несколько дней болел живот.

— Это оттого, что она была неспелой.

— С тех пор я не люблю вишню.

— А я люблю, — вздохнул Сергей, — У меня живот не разболелся, а вкус вишни не до сих пор напоминает о тех прекрасных днях.

Когда был этот разговор? Неделю назад, месяц?

Николай сидел рядом с Сергеем в кабинете Сандро и ждал, когда очередь дойдёт до них, чтобы отчитаться по результатам последней комиссии. Командир части, что оставила при отступлении ящики со снарядами, капитан Гудинов устроил полный разнос своим подчинённым.

— Нам всем светит трибунал.- мрачно сказал он, — Я это прекрасно понимаю, но у меня не хватает людей. Если мы решим наказать всех, кто бросил своё оружие, нам всем придётся предстать перед судом.

Николай задумался. Его работой было проводить инспекции по линии фронта и докладывать лично великому князю Александру Михайловичу о результатах этих инспекций. Он понимал, что должен сообщить Сандро о преступной небрежности, которую проявили солдаты, но с другой стороны они всё-таки вернули их. Да, и у Сандро достаточно

забот. Наверняка, прав пожилой капитан Гудинов, который сейчас с тревогой всматривался в лицо Николая. Разве будет лучше, если они отправят сотню солдат на гаупвахту, а после под трибунал?

— Я сам накажу их, — цепляясь за свой последний шанс, произнёс Гудинов, — Они у меня первые пойдут в атаку. Пусть кровью искупит свою вину. А я теперь буду лично следить за тем, чтобы подобное не повторилось.

— Договорились.

И Николай протянул руку капитану. Тот с благодарностью потряс её.

Когда инспекторы садились в автомобиль, ещё долго видели капитана Гудинова, что с признательностью смотрел им вслед.

Великий князь Александр Михайлович так ничего и не узнал об этом случае. Были и похожие, но тогда не могли найти виновных, такая неразбериха творилось на фронте. А по этому отчёту всё прошло гладко. Сандро устало кивнул. Совещание закончилось.

Николай и Сергей пешком возвращались к себе. Жили они в небольшом деревенском домике, больше похожем на сарай. Местных жителей в этой безымянной деревушке практически не осталось, всех вывезли подальше от линии фронта.

Пётр Маркин стоял на крыльце и издалека увидел, как Чернышёв и Мезенцев идут по песчаной дорожке к дому.

— Вернулись! — радостно воскликнул он, — А я как раз щи сварил. Вчера обоз пришел с продуктами.

Николай хлопнул своего денщика по плечу:

— Здравствуй, Петя! Признаться, я страшно голоден.

— Я тоже, — сказал Сергей, — Где Борис?

— Печь топит.

— Я умираю с голода.- Сергей зашёл в дом, отряхнул снег с сапог стоявшим в углу веником, скинул полушубок и вошёл в кухню, где красный от пота Борис Габт подкидывал берёзовые поленья в печь. Денщик поднял голову и его лицо озарилось тихой радостью при виде хозяина.

— Сергей Иванович, ну наконец-то! Я знал, что вы у великого князя Александра Михайловича. Но в этот раз ваше собрание сильно затянулось. Садитесь сюда, я помогу вам снять сапоги.

— Здравствуй, Борис, — с теплотой отозвался Мезенцев, — Я умею сам разуваться, не маленький уже.

— Ваша матушка бы поспорила, — пробормотал Борис в усы, а Николай расхохотался.

После того, как улучшилась поставка оружия и боеприпасов, у всех появилась надежда на победное завершение войны. Армия под командованием великого князя Николая Николаевича заняла Эрзурум, чем открыла для себя дорогу вглубь Турции. Героем этой операции стал Николай Юденич, который лично руководил штур-

мом Эрзурума, атаковав город одновременно по всей линии обороны. Его тактика имела успех и имя славного генерала несколько недель было на слугу всех, кто следил за ходом военных действий. Как и имя великого князя Николая Николаевича, командующего Кавказским фронтом.

Николай, воспользовавшись небольшой передышкой, написал Стаси длинное письмо, в котором искренне раскаивался в своём долгом молчании, умоляя Стаси простить его.

«Мне нет оправдания» — писал он, — «Но только ты, моя дорогая Стаси, можешь понять меня, как никто. Кроме тебя, у меня нет больше никого и никто не ждёт меня. Прости меня! Напиши обо всём, что происходит в Петрограде, о своей жизни, о своих мыслях. Моя любовь к тебе неизменна и где бы я не был, твой прекрасный образ всегда со мной.»

Отправив письмо с посыльным, Николай вышел из дома, постоял на крыльце, запрокинув голову и всматриваясь в светлеющее небо. Занимался рассвет. Солнце уже окрасило верхушки деревьев в нежно-розовый цвет и горизонт был чист и светел. Скоро здесь начнётся суматоха военного утра, а пока только пение птиц нарушало тишину спящего села.

Николай всей грудью вдохнул свежий утренний воздух. Да, несомненно, весна уже вступала в свои права. Начали распускаться тонкие салатные листочки на деревьях и первая молодая поросль пробивалась сквозь прошлогоднюю бу-

ро-серую траву. Жизнь всегда пробьёт себе дорогу к свету. И любовь всегда живёт в его сердце, даже когда кажется, что небо застилают чёрные тучи, а вокруг ничего не слышно, кроме взрывов и людского крика. Он должен будет написать об этом Стаси. Может, это будет последнее в его жизни письмо. Отчего то Николаю вдруг показалось, что они никогда не увидятся. Эта мимолётная мысль напугала его. Николай перекрестился и прошептал молитву. К чему такие мысли, когда через пару дней предстоит проехать с комиссией по юго-западной линии фронта, где последнее время шли кровопролитные бои и австрийцы

совершили несколько серьёзных атак на расположения русских. Судя по последним донесениям, силы противника тоже иссякли и на несколько дней над фронтом повисла тишина.

Александр Михайлович велел проверить качество боеприпасов в частях, наиболее близких к линии фронта. Это поездка грозила быть самой трудной из всех.

— Ерунда, — махнул рукой Мезенцев, — Австрийцы тоже сидят на голодном пайке. А наши разведчики сообщили, что самолётов у них тоже не осталось.

В селе с мирным названием Березино их встречал Алексей Сосновский.

— Я тут уже несколько дней, — заявил он, — Разговаривал с командирами, солдатами. Держите, — он сунул в руки

Николаю несколько листов бумаги, — Здесь отчёт по расходу боеприпасов.

Николай взял бумаги, бегло просмотрел их и огляделся. Всё выглядело так мирно, что казалось, война просто не может быть близко. Только не к этому спокойному умиротворённому месту. Над небольшой речушкой склонились ивы, покачивая ветками в знак приветствия. Из некоторых изб, притулившихся на берегу, шёл лёгкий дымок.

Николай быстро посмотрел на Сосновского:

— Здесь что, остались жители?

Алексей досадливо махнул рукой:

— Попробуй высели этих упрямцев. Когда на другом берегу все дома сгорели они просто переселились к соседям.

Николай поморщился:

— Что за привязанность к своим старым домам?

Но тут же он вспомнил «Клёны», деда и его бросило в жар. Дед бы тоже не

осталось свой дом, как и он, Николай.

— Нужно было вывести их силой.- мрачно сказал Сергей Мезенцев, — Что значит «хочу», «не хочу»? Это война.

— Милости просим, — усмехнулся Сосновский, — Вывозите.

— Где расположение полка? — спросил Николай, продолжая осматривать село.

— За холмом, — Алексей указал рукой за небольшой при-

горочек, густо поросший молодым березняком, — А командование в бывшей школе расположились, это там же.

— Идём, — сказал Николай

Тишину утреннего пейзажа нарушил далёкий рокот самолёта. Сосновский вгляделся в горизонт, в его глазах вспыхнула тревога.

— Это не наши. У нас, насколько я знаю, разведывательных вылетов не планировалось на сегодня.

В небе появилась три черных точки. Они постепенно приближались.

— Это «Альбатросы», — крикнул Сосновский, — В укрытие!

Они бросились в сторону от главной дороги, где был припаркован автомобиль, на котором они приехали. Их шофёр Семён, спавший прямо на сиденье, поднял голову и посмотрел на небо. Николай, обернувшись, увидел, как его глаза расширились.

— Беги, дурень! Чёрт бы тебя побрал! — заорал Чернышёв и рванулся назад.

— Куда? — слышался крик Мезенцева, но Николай отмахнулся от него.

Раздался оглушительный взрыв. Николай, словно в замедленном немо кино, увидел, как автомобиль разлетелся на кусочки, а его оскорблённый остров вспыхнул. Капли крови оросили траву. Николай замер,

поражённым увиденным, когда раздался второй взрыв. И

он бросился бежать, не понимая куда. Лишь бы подальше от страшного места, орошённого кровью и плотью их шофёра. Внезапно он вспомнил великого князя Сергей Александровича, который умер, разорванной бомбой, брошенной в его карету. Он подумал о Елизавете Фёдоровне, которая сама поднимала с земли останки своего обожаемого супруга.

О, Элла! С её именем на устах Николай нырнул в какую-то канаву и застыл на дне, закрыв голову руками. Взрыв, ещё один, всё ближе, ближе.

Пусть всё закончится, Элла, пусть всё закончится! В следующее мгновение всё стихло. Снаряд взорвался прямо в овраге, где лежал Николай. Его тело подбросило, он перекатился на спину и остался лежать, закрыв ослеплённые огнём глаза.

Всё тело нестерпимо болело. Николай застонал, пытаясь открыть глаза, но даже это простое движение никак не давалось ему. Что произошло с ним? Почему он не может пошевелиться? Николай напрягся, пытаясь вспомнить и тут его тело снова пронзила боль.

Точно, обстрел. Летящий «Альбатрос» выпустил по деревне несколько снарядов. О, господи! Что с Сергеем? Что с капитаном Сосновским?

Николай попытался встать, но боль снова не дала сделать это и Николай застонал от собственного бессилия. Чья-то лёгкая прохладная рука легла на его лоб и тихий женский

голос произнёс ласково:

— Тише, тише.

— Элла? — пробормотал Николай и провалился в сон.

В следующий раз уже смог открыть глаза. Белый потолок качался над ним и Николай почувствовал лёгкую тошноту. И снова та же ласковая рука погладила его по голове, перебирая спутанные кудри.

— Стаси? — спросил Николай, не понимая, где он и кто перед ним.

Может, его вывезли в госпиталь и он сейчас в Петрограде и Стаси ухаживает за ним? Или она приехала?

Рука на мгновение исчезла и Николаю страстно захотелось, чтобы она вернулась на его лоб. Так ему было легче переносить боль. словно услышав его немую мольбу, эта ласковая рука снова легла на его лоб. «Стаси? Ты так нужна мне. Мне не выжить без твоего нежного тепла.»

— Меня зовут Олеся. Я нашла вас в овраге после бомбардировки. Сначала думала, что вы погибли, но к счастью вы дышали.

Николай снова открыл глаза и посмотрел на склонившуюся над ним девушку. Ей было лет двадцать пять, пухленькое миловидное лицо украшала робкая улыбка, а большие голубые глаза смотрели с состраданием и добротой. Белокурые волосы были заплетены в толстую косу, перекинутую через

плечо. Было видно, что Олеся простая крестьянская девушка, добрая и тёплая, словно пуховое одеяло, которое накрывало сейчас обнажённое тело Николая.

— Олеся, — пробормотал он её имя и снова заснул.

Больше недели Олеся Курик выхаживала Николая после ранения в плечо. Рана оказалась не слишком тяжелой, но он потерял много крови. Она поила его с ложечки чаем с мёдом и тёплым молоком, перебинтовывала рану,

расчёсывала спутанные кудри и обтирала его тело влажным полотенцем. Николай уже перестал стесняться её и начал вставать, как только немного окреп.

Как оказалось, во время обстрела пострадало несколько человек. Их увезли в госпиталь. Олеся нашла Николая уже после того, как машина с ранеными и солдаты покинули деревню, отступив дальше от линии фронта.

— Отчего ты не ушла с другими жителями? — спрашивал Николай.

— У меня бабушка болела, — Олеся моргнула, смахивая набежавшие слёзы, — Мне было не вывести её, а потом она умерла и я осталась одна. Мне некуда идти, Коля.

В одно мгновение Николая принял решение:

— У меня имение в Подмосковье, называется «Клёны». Как только мы выберемся отсюда, я посажу тебе на поезд и отправлю в Москву. Там Павел, мой управляющий, встретить тебя.

Олеся с благодарностью сжала руку Николая и поцеловала

её.

— Это я должен целовать тебе руки, — мягко сказал Николай.

Он рассказал Олеся о своей жизни, о службе у великого князя Сергея Александровича, о великой княгине Елизавете Фёдоровне, о своей невесте Анастасии Лехтенбергской, которую все называли Стаси. Олеся слушала, распахнув свои и без того огромные голубые глаза.

Её внимание очень льстило Николаю.

О своей жизни она говорила мало. Как оказалось, Олеся всю жизнь прожила в селе Березино с родителями, бабушкой и братом. Отец и брат ушли на фронт, мама и бабушка умерли и девушка осталась совсем одна.

— Нам нужно уходить отсюда, — сказал Николай как-то утром, — Фронт приближается.

— Но ты ещё не совсем здоров, — начала была Олеся, но Николай перебил её, — Мы уходим. Я могу идти.

Олеся собрала те немногие продукты что были у неё и кое-какие вещи. Николай сложил их в свой вещевой мешок, морщась, закинул на спину и они вышли. Яркое светило солнце.

— Пойдём через лес, — сказала Олеся, — Так быстрее.

— Если идти по дороге, больше шансов встретить кого-то, кто сможет нам помочь, — возразил Николай. Его глаза слезились от яркого солнца, а едва затянувшуюся рану нестерпимо жгло.

Вокруг стояла тишина и Николая эта

тишина беспокоила. Может именно сейчас австрийцы приближались, проходя километр за километром по пустой обезлюдевшей земле. И ещё не дай бог, первыми шли штурмовые бронированные машины германского производства. Эти железные монстры наводили настоящий ужас на всех, кто их видел. Использовались они очень редко, поскольку были неповоротливыми, имели плохую проходимость и любая канава могла остановить этого железного броненосца. Но по хорошей дороге они могли передвигаться довольно быстро.

Николай никогда не видел эти машины и не хотел когда-либо столкнуться с ними.

— Идем через лес, — наконец согласился он.

Олеся шла впереди, уверенно лавируя между деревьями, а Николай то и дело оглядывался, прикрывая их отход. Но это было только для того, чтобы не смотреть на бёдра Олеси, плавнодвигающиеся под широкой юбкой. Николай вдруг почувствовал острое желание и тут же устыдился своих мыслей. Олеся, словно прочитав его мысли, обернулась к нему. На её губах играла улыбка и она показалась Николаю такой красивой, что у него перехватило дыхание. В полной растерянности он обернулся назад, желая скрыть свои мысли.

Ближе к вечеру они дошли до домика лесника.

— Надо отдохнуть, — сказал Николай, чувствуя болезненную пульсацию в плече.

Олеся кивнула и откинув щеколду, вошла внутрь. В маленьком пыльном помещении стояла узкая кровать, шкаф, стол, небольшая дровяная печь с запахом дров. Олеся тут же растопила её, вскипятила воды в закопчённом чайнике и заварила чай, который принесла с собой.

— Иди ложись, — кивнул Николай на кровать.

— А ты? — Олеся колебалась.

— Я здесь, — Николай кинул на гладкие доски пола несколько одеял, что нашёл в шкафу.

— Тебе надо перевязать рану, — Олеся толкнула Николая на кровать, стащила с него одежду и неожиданно прижалась горячими полными губами к его ключице. Её мягкие ласковые руки уже стягивали с него военные брюки.

— Нет, — слабо запротестовал Николай, — У меня есть невеста.

— Я не прошу брать меня замуж, — горячо зашептала Олеся ему в лицо.

Николай не заметил, как она успела раздеться и сейчас её разгорячённое пышное тело белело в темноте. Николай резко выдохнул и позволил девушке увлечь его за собой.

10.

Стаси и Елена Лейхтенбергские сидели на диване в му-

зыкальной гостиной дома Георгия Лейхтенбергского. Братья уехали на Кавказ вслед за великим князем Николаем Николаевичем и Ольге Николаевне пришлось самой устраивать праздник для Елены, которой сегодня исполнился двадцать один год. Помимо Лейхтенбергских пришли Голицыны, Нахимовы, Граббе и Репнины, родственники её отца Николая

Васильевича Репнина, который в следствии своей болезни уже давно не выезжал в свет. И сейчас он жил в Крыму, так как сырой климат Петербурга не способствовал скорому выздоровлению.

Наталья и Тамара играли на пианино и пели какие-то веселые песенки. Взрывы хохота то и дело прерывали их, и они смеялись, низко склоняясь над клавишами.

— Что за куплеты они исполняют? — спросила Стаси.

— Собственного сочинения. Они неделю писали эту глупую песенку, которой аплодируют сейчас все, включая и брата императора, — усмехнулась Елена и Стаси бросила быстрый взгляд в сторону собравшихся. Действительно, великий князь Михаил Александрович стоял, облокотившись о мраморную столешницу

камина, и на его губах играла улыбка. Алексей Голицын и Николай Лейхтенбергский о чём-то оживлённо беседовали, стоя у окна.

— Посмотри на тетю Ксению, — прошептала Елена на ухо Стаси. Стаси перевела взгляд на Ксению Евгеньевну. Та смотрела на великого князя Михаила Александровича пол-

ным любви и нежности взглядом. Стаси едва не задохнулась от боли, сжавшей его сердце.

— Она до сих пор любит его, — сказала Елена, — Господи, столько лет прошло, а она до сих пор его любит!

На глаза Стаси навернулись слёзы и она отчаянно заморгала, пытаясь их смахнуть.

— Я отойду на несколько минут, — сказала Стаси прерывающимся голосом.

Елена пожала ей руку и Стаси быстро прошла мимо гостей, столпившихся у пианино, вышла в большую гостиную, где на мягких креслах сидели князь Голицын старший, Поль Легран, Пётр Нахимов и князь Вяземский и курили сигары. Увидев Стаси, они поднялись, но Стаси, сделав книксен, прошла мимо и через галерею с большими окнами вышла в оранжерею. Елена смотрела вслед удаляющийся кузине и заметила, как Алексей Голицын, бросив пару слов Николеньке, поспешил вслед за Стаси.

— О, господи, — пробормотала Елена про себя, — Вокруг одни влюбленные.

Стаси, оставшись одна, наконец смогла дать волю слезам. Она оплакивала не только несчастную любовь тети Ксении к великому князю Михаилу Александровичу и любовь Николеньки к великой книжной Татьяне, но и свою собственную, которая, как ей теперь

виделось, осталось в прошлом. Что произошло между ни-

ми? Она не могла понять, отчего любовь которой, казалось, не будет конца, превратилась вдруг в дружескую привязанность. В письмах Николая не было ничего, что не мог бы отец написать своей дочери, а брат своей сестре. И впервые Стаси вдруг подумала, что возможно, им стоит расторгнуть помолвку, когда Николай вернется. И она снова расплакалась на этот раз по своей несбывшейся любви.

Дверь оранжереи открылась и снова закрылась со щелчком, впустив кого-то. Стаси быстро вытерла слёзы.

Это был Алексей Голицын.

— Как вы нашли меня? — тихо спросила Стаси, обмахивая веером покрасневшее лицо.

— Я всегда найду тебя, — серьёзно сказал Алексей, — Где бы ты не находилась.

Стаси вскинула на него глаза и её сердце заныло. Во взгляде Алексея она увидела то, чего жаждала всей своей молодой натурой — любовь, страсть, восторженную пылкость первых сильных чувств.

— Ты плакала? — спросил Алексей, подходя ближе.

Не понимая, каким образом, Стаси уже оказалась в его объятиях, живых, горячих, жгучих, и она уже рыдала на его груди, а он утешал её, словно ребенка, бормотал ласковые слова. Они падали на её болезненно бьющееся сердце, исцеляя его, залечивая раны, нанесённые молчанием Николая и собственными мыслями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.